

В Сан-Франциско в возрасте 60 лет
от сердечного приступа скончался
знаменитый русский актер Савелий Крамаров

В зените славы и после

Печальные воспоминания

знаю, откуда взял такую статистику), что в США сорок четыре выдающихся комедианта.

— Я буду сорок пятым, — заявил он.

При его целеустремленности и результатах, достигнутых на родине, мы в его будущем успехе за океаном не сомневались.

В ОВИРе ему отказали: слишком дорого стоило изъять его фильмы из проката и с телевидения, ведь доходы от киноиндустрии, если я не ошибаюсь, стояли тогда на следующем месте после водки. Он считал, что стал заложником своей популярности и размышлял, как подключиться к нашей борьбе за выезд.

...Началась подготовка к открытию нашего совместного литературно-эстрадного театра, в обиходе ДК. ДК — дом культуры, удобная аббревиатура для телефона, а в действительности наши фамилии. Я написал комедию «Кто последний? Я за вами», из жизни нашего брата-отказника. Действие происходило в приемной московского ОВИРа, где были установлены новые часы. Согласно тексту, каждые полчаса в часах открывается дверца и миловидная девушка в милицмейской форме произносит: «Ку-ку!»

Крамаров играл Крамарова, а я самого себя.

Крамаров был великолепен. Думаю, что это была его самая реалистическая, самая вдохновенная роль. Игру нашу прекратили просто: милиция встала у подъезда; для входа требовали у зрителей паспорта.

Шум какой-то получился. Фильмы его продолжали крутить, только из титров теперь вырезали его фамилию.

После его отъезда в «Литературке» появился фельетон «Савелий в джинсах», о том, как некий актер мучается в США. Забавно, что фамилии Крамарова не назвали, рассчитывали на узнавание в узких актерских кругах. Думаю, сделали это, чтобы у него не возникло последователей.

Бедой Крамарова всегда была дырявая память. Начал он свою актерскую карьеру в самодеятельности, после, в театре, не потянул, так как не мог выучить до конца ни одной роли. В кино было легче, потому что советские фильмы озвучивали в студии, и можно было прочесть реплику перед тем, как се произнести в микрофон. Впрочем, монологот от него не требовалось. Выступая перед аудиторией и в кругу друзей, он всю жизнь повторял одни и те же несколько экспромтов, но интересно, что и в сотый раз их слушать было смешно.

Крамаров — яркая личность в паноптикуме советского кинематографа. Все еще трудно ворочается язык, когда надо сказать «был». На фоне грандиозной идеи создания положительных героев он играл вроде бы дурачков. Но в отличие от фольклорного Иванушки-дурачка, герой Крамарова никогда хитрей царей не оказывался.

В фильмах это всегда был совок, важный в поддаче и трусливый при виде ментов. Он выразил суть советской эпохи своим лицом, которое, как он сам любил повторять, напоминает противогаз. Исправив позже свое согласие, он много потерял.

Задолго до гласности он создал образ идеального совка, счастливого в своем идиотизме. Актерская репутация Крамарова состояла в том, что он методично, из фильма в фильм, убедительно и смешно олицетворял быдло, — основное достояние сталинско-брежневского прогресса.

Перемещения этого крамаровского типажа на другой континент, в общем-то, не получилось. Пропасть между двумя кинокультурами оказалась для Крамарова слишком велика. Это не вина, а беда замечательного актера нашей эпохи. Некролог в газете «Сан-Франциско кроникл» в день его похорон восемью строками покрыл всю его голливудскую жизнь.

Из-за плохого английского круг приемлемых для него ролей сузился до шаржированных русских персонажей, которых в американских фильмах не может быть много. Кагебешник в «Москве на Гудзоне», советский космонавт в «2010», русский посол в «Красной жаре» и русский матрос в «Любовной афере» — вот круг съемок, в которых ему дали поработать. Он говорил, что ему платили по требованию профсоюза две тысячи дол-

ларов за съемочный день, но, к сожалению, роли были краткие, все эпизоды снимали подряд, а потом резали. К тому же американские фильмы выстреливаются быстро, а решетка конкуренции жесткая.

При этом достоинство профессионального актера Крамаров держал высоко. Режиссер Марк Левинсон, снимавший не так давно фильм «У времени в плену» («Prisoner of Time») о русских интеллигентах в эмиграции, уговорив меня на роль писателя, просил надавить на Крамарова сыграть пару эпизодов. Савелий отказался.

— Лена Коренева у нас играет, — убеждал я, — Олег Видов...

— Нет, мне надо держать марку.

Так мы с ним и не сыграли второй раз.

Он храбрился, много говорил о Боге, но на деле, что бы ни говорил, бедствовал и страдал. Не хочу быть моралистом, но если есть люди, которым не стоило бы торопиться эмигрировать, он, возможно, был в их числе. Он говорил мне, что решил жить здесь, а сниматься там. Потом собирался жить то там, то здесь.

Все это было бы нормально, но там ему спустя годы тоже не удавалось вписаться в вялотекущую толчею. К концу дней он наладил, наконец, семейную жизнь, уехал подальше от Голливуда в Сан-Франциско, но часы его остановились. И в плане творческом, кажется мне, он умер, не доиграв.

Обещанные ему роли, на которые он надеялся последнее время, опять уйдут к оставшимся сорока четырем комедиантам...

ЮРИЙ ДРУЖНИКОВ

Дэвид, Калифорния

Наши пути скрестились, когда он уже был кинознаменитостью.

В отличие от Смоктуновского или, к примеру, Плятта, — актеров для интеллигентного или, скажем шире, образованного зрителя, Крамарова знали все. В детском саду строили рожи, повторяя его экранные гримасы. Пенсионеры, забываящие «козла» под кустом сирени, употребляли выражения, запущенные им с экрана. К перелому в своей жизни в конце 70-х он снялся в сорока двух лентах.

Тогда казалось, что если в вагон метро войдет Лев Толстой, москвичи вряд ли обратят внимание. А когда входил Крамаров, взгляды сосредоточивались на нем. Через минуту подсакивал какой-нибудь матросик или стильная девица, прося автограф. Савелий мгновенно рисовал свой профиль — абрис был отшлифован годами.

Он любил демонстрировать свою славу. Остановившись возле сопливого мальчика на скверике и спрашивал: — Кто я?

И через секунду, растягивая рот в улыбке, тот произносил: — Ты Крамаров.

Очередной инспектор ГАИ, остановив его, вдруг начинал смеяться: — Не надо документов! Контрамарочку на просмотр для жены можно получить?

И отпускал с миром.

Уже будучи отказниками, мы поехали в Пярну: в Москве шли шмоны перед Олимпийскими играми. Через два дня в гостиницу явился начальник ракетной части, дислоцированной на закрытом для смертных острове Сааре-ма.

— Товарищ Крамаров, — стоя в дверном косяке и отдавая честь, начал он издадека. — Не надо ли вам чего?

— Проси засунуть тебя в ракету и послать в Нью-Йорк, — шепнул я.

— Телевизора в номере нету, — пожаловался Савелий.

— Установим! Мебель новую завезем. Вы только не откажите выступить у нас в части перед офицерами. Вертолет пришло в шесть ноль-ноль.

Савелий согласился, но до шести вечера мне все-таки удалось убедить его не лезть ради горячих аплодисментов в петлю ледяной секретности.

Режиссер Юрий Завадский сказал мне как-то: «Актер есть человек, который говорит чужие слова не своим голосом». Если это справедливо, то относится к Крамарову ровно на пятьдесят процентов: он говорил чужие слова собственным голосом, и в этом состояли его достоверность и обаяние.

...Почему он решил эмигрировать? Не у многих была такая серьезная причина, как у него. Хотя я вовсе не уверен, что сам он ее осознавал.

— Про тебя написал Апдайк, — сказал я ему. — «Цели наши, которых мы достигаем, навешают на нас скуку».

— Кто это — Апдайк?

— Твой будущий соотечественник.

При своих скромных потребностях и не будучи напрямую вовлечен в идеологию (клоун — что с него взять?), Крамаров имел все, что мог желать так называемый «представитель творческой интеллигенции». Его юмор был доступен наверху. Оставались депутатство в Верховном совете да звезда героя труда, но он был человеком социально выключенным. Актером он был прирожденным, и ничего другого делать не мог.

И вот союзная слава оказалась ему недостаточной. Он подсчитал (уж не

22.6.95.